

ГЛАВА 12

КТО ЗА КЕМ?

На четвертый этаж мнительный Зеленый, не изменяя привычке, протопал пешком, регулярно обходя мусор возле люков мусоропровода. Сквозь шум спускающегося лифта, скрадываемый шахтой, до него донесся голос Аллы, разговаривавшей с кем-то по телефону. Кабина лифта спустилась, и голос затих внизу.

Зеленый, перескакивая через три ступени, бросился вниз. Перед первым этажом он задержался. Алла вышла из разверзшихся с пязгом дверей кабины, договаривая с неизвестным собеседником:

— Понимаешь, у меня встреча. В восемь. На Новом Арбате. В «Арктике». Деловая, деловая встреча...

Зеленый осторожно поспешил за Аллой на улицу, прислушиваясь к разговору.

— Не я там встречи назначаю, а он. Короче, Светка, встретимся там, но в девять. Если я буду не одна, ко мне не подходи. Я надеюсь, понятно? Да. Потом поговорим, Свет! Давай! Я уже опаздываю.

Взглянув на часы, Зеленый передумал окликать Аллу. Отстав от нее в конце двора, он, разобравшись в своих чувствах, вернулся в дом. Зайдя в квартиру, он первым делом взял с корпуса стеореосистемы злополучный забытый диск. Он отчетливо помнил, что забыл его вынуть. Повертев диск в руках, он вставил его обратно в дисковод

и включил воспроизведение. Послушав знакомый текст и музыку, повинуясь каким-то безотчетным импульсам, он разломал диск. Закурив, он прошел на кухню, сминая в кулаке колкие обломки, положил образовавшуюся горку в пепельницу, после чего поджег бесформенный вулканический конус. Резкая пластмассовая вонь растеклась по кухне. Он открыл форточку и помахал полотенцем, разгоняя отвратительный запах. Прямо Штирлиц какой-то...

Он выбросив пепел и остатки оплавленного пластика в мусорное ведро. Затушил сигарету, взглянул на часы, подхватил ставший уже неразлучным чемодан и покинул квартиру.

Быстро доехав до места на такси и расплатившись, он осмотрелся на местности. Вечерняя иллюминация работала на полную, расцветивая брызгами разнообразной рекламы длинный ряд зданий, стремящихся перещеголять друг друга оформлением фасада. Не отставали и рестораны с магазинами. Над всем этим праздником жизни, в отдельно взятом месте, возвышались четыре темных офисных здания развернутыми на одной и той же странице книгами.

В «Арктике» на первом этаже разместились бар и небольшое кафе. Перед лестницей на второй этаж у рамки металлодетектора стояли два охранника в черной форме с шевронами частного охранного предприятия «Протон» на рукавах. На

мгновение Зеленый заколебался и направился в их сторону.

Проходить ему предложили через рамку, положив металлические предметы, мобильный телефон на поднос. Вместе с чемоданом. Охранники готовились принять Зеленого изнутри. Наверное, собирались обыскать.

Зеленый выполнил требование и прошел сквозь рамку. Ему недвусмысленно показали, что требуется открыть чемодан.

— Там не взрывчатка, командир, — сделал попытку отказаться Зеленый.

Принимающие церберы сплотились и встали на пути, давая понять, что либо посетитель откроет чемодан, либо они не смогут его пропустить.

— Ребята, это не мой чемодан, и я не могу его открывать. Мне нужно подняться только на одну минуту. — И Зеленый посмотрел на часы.

— Извините, тогда приходите без него.

— Но мне действительно нужно подняться только на одну минуту, и я сразу же уйду.

— Я не могу вас пропустить, — сказал старший из охранников. Он смотрел в упор на Зеленого. — Вы бы могли пройти без дипломата, оставив его здесь. Но в этом случае вам все равно необходимо предъявить его для осмотра.

— Ребята, давайте кто-нибудь из вас поднимется вместе со мной. Я даже в зал не буду заходить. — Зеленый положил на поднос у рамки купюру лилового цвета.

Охранники переглянулись, и старший кивнул второму охраннику, забирая деньги.

Под охраной Зеленый поднялся на второй этаж. Не заходя внутрь, он из фойе осмотрел зал, нашел Аллу, напротив которой лицом к нему сидел, попыхивая сигарой, Карп. Достав мобильный телефон, Зеленый сфотографировал их и спустился вниз, ведомый бдительным провожатым. Поблагодарив старшего на кордоне, он вышел на улицу, некоторое время постоял, обдумав сложившуюся ситуацию. Время еще было, и он решил остаться в кафе, выбрав столик в темном углу, из которого просматривалась лестница на второй этаж.

За окном какой-то худощавый парень вышел из-под козырька входа в ресторан с дипломатом в руке, поправил стоячий воротник, скрывавший лицо, потоптался на пороге и вернулся в заведение.

Карп похрустел костяшками пальцев, разминая их над тарелкой. Алла молчала. Карп посмотрел на нее сквозь свои сощуренные веки и даже почувствовал себя слегка неловко.

Черт возьми, где она научилась так держать паузу. Ей бы в театр, на сцену. Да и симпатич-

ная. Хорошенькая. Так и тянет. Мама значительно уступает. Возраст, конечно, но тоже хороша. Правда, более импульсивна. Не в нее она, видно. О чем это мы...

Карп поскреб щеку ногтем. Осторожно стрянул чешуйки с пальца.

— А что ты не кушаешь? — очнулся он и затушил сигару.

Они принялись за дегустацию блюд итальянской кухни. Официант заменил пепельницу. Наконец Алла подняла голову.

— Разворачивается большая игра. Выборы скоро.

Алла недоумевающее посмотрела на Карпа. Сделав выводы, Карп продолжил прощупывание вперемешку с некоторыми дозами информации и пищи.

— Гена твой, Махонин, не так прост оказался. До конца я не знаю, — здесь Карп досадливо поморщился, — но могу тебе сообщить, что он сейчас в одном деле с Плешивым. Есть такая личность, неординарная. Говорили мы о нем.

Покачав головой, Карп поцыкал зубом. Затем ожесточенно почесался.

— Я думаю, что я видела их.

— Где? Когда? — повел опрос Карп.

— Пару дней назад, на улице. Здесь недалеко. На стоянке.

— Это там банк какой-то. Второй постиндустриальный, что ли? — вкрадчиво задал наводящий вопрос Карп.

Слегка передернув плечиками, Алла дала понять, что подобную информацию запоминать не в ее стиле.

— А почему ты решила, что это Плешивый?

— Не знаю. Сейчас, после того, как ты сказал, я так подумала. Он был обрит наголо...

— Понятно. В общем, они, скорее всего, завтра поедут в Сочи.

— Не в Краснодар?

— Ну, вообще-то, это по дороге. Один субъект Федерации к тому же. А что, он говорил, что едет в Краснодар?

— Да, сегодня звонил, после нашей встречи.

— Откуда?

— Не знаю. Сказал, с базы. Телефон не определился. Не с мобильного звонил. Сказал, что дело у него там, по этому его винному профилю.

Пробормотав что-то неразборчивое, Карп прикрыл глаза окончательно и поскреб лицо. Не удержавшись, он засунул руку в карман. Пораскинув мозгами и сложив кубик Рубика в штанах втемную, он продолжил мягко:

— А ты не знаешь о сущности его деятельности?

— Он говорил, что содействует в сбыте водки для региональных заводов здесь, в Москве.

— Ну да... Так-так-так, сказал автомат Калашникова... — раздумчиво произнес Карп.

Он демонстративно подождал с продолжением беседы, пока официант, подлив в их бокалы вина, не удалился.

— Давай, Аллочка, выпьем за женщин! За тебя, за маму твою! За вашу красоту семейную. И за то, что вы жизнь скрашиваете нам, никчемным мужчинам.

Они чокнулись. Раздался громкий женский смех. Алла посмотрела на Светку, резвившуюся в компании двух ухажеров несколькими столами дальше, и слегка нахмурилась.

— Откуда ты знаешь о Сочи и об их поездке туда с этим Плешивым?

— Аллочка, ну кто же не знает о Сочи, — попытался состричь Карп. — У меня свои методы... — Карп откинулся на спинку стула. — И потом, я не зря кормлю людей на Педровке. И не только там. Это не относится к нашему ужину, — поспешно добавил он. — Ты знаешь мое отношение...

— Ты хочешь сказать, что Гену пасет милиция?

— Нет, что ты! Это им не нужно. Но я бы сказал, что они в какой-то степени интересуются его партнером теперешним. А им, скорее, заодно.

— Слушай, Сергей, я случайно прослушала диск один дома... — Алла метнула гневный взгляд на неугомонную Светку.

Карп тоже посмотрел на веселую троицу.

— Так вот, там было записано как бы небольшое досье на этого Плешивого.

Карп побарабанил пальцами по столу и, медленно накручивая спагетти на вилку, протянул:

— Наверное, твой друг собирает информацию на него.

— Зачем?

— Не доверяет, может. Сложно сказать, — прожевав, ответил Карп. — Так ты, значит, не в курсе их дел? Я имею в виду, детально, — в ответ на вопрошающий взгляд Аллы уточнил он. — Хорошее вино, правда?

Они подняли бокалы. Карп допил вино, обтер губы салфеткой и улыбнулся.

— Знаешь, я к нему пока приставил людей. Они его поведут. Я тебе сообщу, что он будет делать там, в Сочи этом. С его ужасно темными ночами. Не беспокойся, я это делаю не только ради нашей дружбы. Мне и самому это некоторым образом занято стало. Надеюсь, он совершит какие-нибудь неблагоприятные поступки и скомпрометирует себя перед тобой. — Карп окончательно расплылся в улыбку.

Выражением лица Алла дала понять, что ему это не поможет.

— Но я все-таки надеюсь... Так вот, присмотрят за ним. Я бы и сам, знаешь, прокатился погреться, но не могу. Надо оставаться в Москве. Так что буду здесь мерзнуть. Но, правда, потом хочу в Италию махнуть, там уж отогреюсь.

— Под солнечным небом Италии он греет свои гениталии, — грубо пошутила Алла.

— Ой, как вульгарно! Что бы сказала мама? Ах-ах. — Карп рассмеялся. — А ты отдыхать не собираешься? А то, может, вместе? А? — Карп игриво заулыбался.

— Нет. Маму бери.

— Я предложу ей. — Карп обрадовался подкаске. — Но я бы с большим удовольствием прокатился с тобой, — томно добавил он и воззрился на Аллу. — Ладно, ладно, понял. Любовь до гроба! Откуда, говоришь, диск взялся у вас? Гена твой принес?

— Я не приносила. — Алла откинула волосы назад и отклонилась, позволив официанту забрать тарелку.

Официант принял заказ на два эспрессо и удалился.

— И что там было об этом Плешивом?

— Да так, сумбур какой-то. Я, честно сказать, хорошо не помню. Там участвовал в этом, в том, иностранные языки. Очень как-то неконкретно. Рост, вес, а так...

— Ну, это они могут, — вздохнул Карп. — Органы наши, внутренние, — ответил он на немой вопрос Аллы. — Насквозь больные... В основном на печень.

— А как же горячее сердце?

— Сердце, Аллочка, досталось службе безопасности. У них же там — и голова и руки.

— Чистые?

— Горячие тоже. Но не будем об этом.

— Интересно, где он его достал? — спросила Алла. — Диск...

— При желании, подкрепленном деньгами, в нашем государстве можно достать все. На том стоим... И там упоминался Ежовский-Дикобраз? — сменив тон, полутвердительно задал вопрос Карп. — Я помню, ты его называла давеча.

— Упоминался. Он и у Кузьмича упоминался. На совещании.

— Иванов-Неизвестный и Мужиков?

Алла утвердительно кивнула.

— Жаль, что ты не сказала об этом раньше. Жаль, — посокрушался Карп и обратился за счетом к официанту.

— Хороший кофе у них. Не ожидал. Как в Италии, — равнодушно сказал Карп, пребывая в раздумьях. — Как у него с деньгами?

— Нормально. Говорил, рассчитывает хорошо заработать на этой поставке. А что?

— Насчет заработать — это вполне возможно. Да... Не беспокойся. Если будут малейшие новости, я буду немедленно сообщать. Хороший у них кофе, надо же... Я думаю, все будет хорошо, оснований беспокоиться пока нет, — после паузы сказал Карп, — ты не волнуйся.

Прислушиваясь к интонации, Алла сделала маленький глоток горячего напитка.

Дальше разговор сместился на домашнюю тему. Алла без особого интереса спрашивала Карпа о его взаимоотношениях с матерью. Тот же врал, объясняя непостоянство своего проживания с ней своей беспокойной работой, разъездами, беготней, хотя и настойчиво убеждал, что видятся они часто. Просил, улыбаясь, заходить в гости. Алла пожимала плечами. Карп накрывал ее руку своей, продвигая якобы совместно сформировавшееся мнение о том, что надо зимой пожить на даче. Расписывал снег — белый, пушистый, воздух чистый, лыжи... В конце концов он сдался, поняв бесполезность притязаний к девушке, но оставил за собой надежду посидеть всем вместе у камина, погреть тапочки, попить винца. Или даже пунша с морозца. Карп мечтательно крякал.

— До зимы еще дожить надо. — Алла высвободила руку. — Тут летом околеть можно.

— Как по-стариковски, Аллочка! Это мы так можем говорить. Хотя по поводу нынешнего лета я с тобой полностью согласен.

Покалякав в таком стиле еще четверть часа, Карп заторопился уходить. Перелобызав все открытые части тела Аллы, он откланялся, оставив деньги на столе.

Подходя к стоянке, он неожиданно заметил знакомый белый опель с боевыми подругами. Обе были в белых платьях, отсвечивая в салоне. Он удивленно чертыхнулся и забрался на заднее сиденье. Блондинки разом обернулись к нему.

— Что скажете, сестры милосердия? Как пациент?

Лена кивнула товарке и доложила:

— Приехал домой, побыл там недолго, потом сюда приехал на тачке. Уже больше часа как не выходит. Внизу, в кафе сидит. Один. Мы по очереди ходили.

Карп усиленно ощупывал лицо. Он Зеленого за собой не видел, да и в мотеле тоже. За кем он сюда приехал? За кем следит? За Аллой? Нет, вряд ли... Где он прокололся? Почему он поехал

за ним? Неужели это свалочка из управления сообщали ему? Или его начальству? Охрану, может, вызвать? Или ждет он кого-то? Здесь? Кого?

— Так, я сейчас отбуду. Проследите. Пойдет за мной — позвоните! — сказал Карп, обдумывая дальнейшие планы. — Доведете — тоже отзвонитесь! А вообще-то стойте... — Он озарился пришедшей на ум идеей. — Завтра без машины работать будете. На трассе. Плечевыми, — мрачно осклабился он. — Надо, чтобы эти орлы вас с собой подобрали. Это мы обдумаем. Глаз с него не спускать! Внимательно работайте, это вам не Украина!

Провожаемый ответом о Белгороде, он вылез из машины.

Алла успокоилась. Она уже все решила и даже перестала злиться на Светку, которая беспрерывно заливалась смехом, пытаясь покинуть своих спутников. Мужики висли на ней веригами. Выглядело это забавно. Однако вскоре разгоряченная Светка плюхнулась на стул, освобожденный Карпом.

— Ты зачем это животное привела? — первой атаковала Алла.

— Ой, спокойно, хорошие ребята. Лешу ты уже видела.

— Удоды какие-то.

— Ой, твой красномордый бульдог, конечно, лучше, — отразила удар Светка. — Красавец описанный. Кобель шелудивый!

— Я же тебе говорила, — вдалбливая в Светкину глупую голову, отчеканила Алла, — это деловое свидание.

— Ну так свидание же! — Светка махнула рукой отчаянно маяковавшим ухажерам. — Как с поездкой-то? Я отпросилась.

Алла оживилась.

— Завтра полетим. Билеты я беру на себя. По брони сделаем.

— А собраться? — недовольно надула губы Светка. — Сегодня же пятница. Я отдохнуть хотела. Кстати, с тобой.

— Нет, спасибо. Скажешь этому другу, что у меня — критические дни.

Светка надулась сильнее.

— Мне к матери надо, — отрезала Алла. — И потом, я почти замужем, ты что, не знаешь?

— За этим крокодилком, что ли? Почти — не считается. Кстати, это и без «почти», по-моему, — надуманный предлог... Ну как знаешь, тебе дальше жить. Мы поедем потанцуем куда-нибудь. Надумаешь — звони!

— Я постараюсь взять билеты на после обеда. Но, возможно, придется лететь раньше. Учти! Доехать еще до аэропорта надо.

— Доедем. А может, их возьмем? — Светка опять помахала нетерпеливым парням.

— В Тулу со своим самоваром? — ехидно улыбаясь, спросила Алла.

— Да, ты права, там этого добра хватает. Ребята, кажется, хорошие. Но замуж не собираюсь все равно, — с вызовом поцокала Светка толстым ногтем о тарелку.

— Утром разбужу, телефон не выключай.

Алла поднялась, обозначая окончание препирательства.

— Может, подумаешь получше?

— Да-а, Светка... ты трахаться хочешь больше, чем Ломоносов учиться.

— Ой, в натуре! Сама-то. Я, к сведению, не замужем. Даже «почти»! Короче, дело к ночи... Звони, как трудно станет.

Алла молча попрощалась.

Зеленый незаметно довел ее до станции метро. За ним, изображая озабоченность должностными обязанностями, топал патруль из двух бравых милиционеров. У входа в метро «Арбатская» Зеленый поразмыслил и дальше не последовал. Он решил все же возвращаться...

В холле мотеля уже прибрались. Зеленый быстро пересек открытое пространство холла, не глядя по сторонам, и поднялся к себе. В номере все было по-прежнему. Пусто, тихо. Вещи — на своих местах. Он походил, прислушиваясь к скрипу неплотно уложенного ковролина под ногами. Мысли в голове скакали, возвращаясь к Алле. Не придя ни к какому решению, он сверился с памяткой местных телефонов и позвонил Плешивому. Не дождавшись ответа, спустился на лифте вниз.

Портье сумел поймать его взгляд и развел руками, обращая внимание на зияющее отверстие в потолке. Зеленый, не задерживаясь, посочувствовал ему в режиме немного кино.

В уютной полутьме бара за столиками, стараясь не привлекать лишнего внимания, прохладчались Коротких, Брюховец, китаец, не снявший своих темных очков даже сейчас, и бородастый Пинчер, обреченно скрючившийся перед закладом. Плешивый сидел у стойки, чемодан был при нем. Больше посетителей не было.

Зеленый подсел к Плешивому.

— Ходим с этими чемоданами, как дурни с торбой.

Плешивый согласно покачал головой и продолжил помешивать пластмассовой палочкой коктейль в высоком бокале.

— Сделал вклад?

— Сделал. По востребованию. — Зеленый отказался от услуг бармена, и тот начал оперировать телевизионным пультом.

«Итак, — вырвался на экран вальжжный комментатор и посыпал скороговоркой, — сержант Свиридюк получил из рук руководства именное наградное оружие и поклялся грудью в бронежилете встать на защиту своего участка. На который постоянно забрасываются вражеские наймиты, безуспешно пытающиеся расколоть его территориальную целостность. Но братство участковых...»

Бармен переключил программу. Предварительно он оглянулся на Плешивого, который, видимо, успел войти у него в авторитет.

«...ограбление Второго постиндустриального банка. Налетчики воспользовались несовершенством защиты банка и украли пять миллионов долларов. В иностранной валюте, — вещал диктор. — Предполагают, что они имели сообщников в банке среди высшего руководства. Пока задержан и отпущен под подписку о невыезде управляющий филиалом...»

После этого сообщения диктора сменила рекламная вставка.

Плешивый с Зеленым первыми покинули бар. За ними гуськом потянулись остальные. Замыкал Пинчер. У стойки поселения стояли две блондинки — Лена и Люда — и улыбались мужчинам. Портье, вооруженный очками, припоминая школьную азбуку, рьяно заполнял за них формуляры.

— А мы проходим мимо, — походя бросил Коротких Брюховцу, когда подопечные подельники остановились пофлиртовать с блондинками.

Брюховец встревожился. Но Коротких указал на галерею, откуда предполагалось посмотреть за разворачивающимися событиями.

Свита Плешивого с Зеленым разбрелась по углам. Обреченно приготовившись долго не ложиться спать.

Поздней ночью к номеру Коротких и Брюховца осторожно подошел Утюг. Он сосредоточенно осмотрел дверь, словно искал неисправности, сверил цифры с пометкой на ладони, прислушался, открыл кейс и пошарил в нем. Обнаружив там коловорот, он приставил буравчик наискось к двери и без напряжения прикрутил ее к косяку, оставив бур в виде связки. Легко нажав ладонью на дверь, он проверил крепость выполненной работы и сплюнул на пол перед. Выполнив эту задачу, он переместился к номеру Китайца. Где вновь продемонстрировал столярные навыки.

Китаец бодрствовал, но, как токующий глухарь, ничего не слышал. Он маньячил, изучая в бинокль немногие освещенные окна напротив.

После ухода Утюга из двери одного из соседних номеров показалась лохматая творческая голова Двуппера. Придерживая одной рукой дверное полотно, он вглядывался в коридор и тревожно прислушивался. В другой он сжимал, на манер дубины, довольно внушительных размеров подзорную трубу.

Полуночник Утюг еще долго бродил по гостиной, сверяясь с обширным списком.

ГЛАВА 13

УТРО ОПЕРАТИВНОГО РАБОТНИКА

Утро.

Какое было утро?

Утро было солнечным! На железном карнизе за окном сидели рядком серые городские голуби. Царапая коготками металл, они переминались, греясь в лучах столь неверного этим летом солнца, не веря своему счастью. Но, скорее всего, их прикормили предыдущие постояльцы номера. И теперь они ожидали новой подачи. Голуби нетерпеливо возились, резко дергая шеями, и пытались заглядывать в приоткрытое окно. Но вели они себя тихо, и с их стороны это было разумно.

Потому как Коротких еще спал. Он храпел, лежа на боку, рывками, со свистом вдыхая и выдыхая тяжелый воздух. На прикроватной тумбочке, возле его носа, торчали скрещенные ноги Брюховца.

Сам обладатель ароматных конечностей пристроился на спинке кресла и пронзал взглядом, вооруженным цейсовской оптикой, горизонт за окном. Осуществлялась рекогносцировка. Данные, правда, записывать было некуда. Планшет отсутствовал. Брюховец грешил на тетку, бережно относившуюся к атрибутам службы зятя. Признать собственный недосмотр не хотелось. Так что учет возможных перемещений подопечных не производился. Не мог быть произведен. Хотя их и не было за время дежурства.

Не выдержав изощренной инквизиторской пытки, Коротких громогласно чихнул и проснулся, потирая лицо рукой. Он осоловело уставился на пыточные носки.

— Убери свои ноги! У тебя носки воняют, — довольно сказал он и перевернулся на спину.

— А ты их нюхал?

Коротких приподнялся на кровати. Настроение было паршивым. Усиленное или спровоцированное интоксикацией.

— Я чуть не угорел! — И он резко встал, отбросив одеяло. Он спал одетым.

Испуганный Брюховец втянул ноги так же быстро, как черепаха голову при малейшей опасности. Коротких раздраженно выругался и воззрился на Брюховца в махровом халате, из-под полы которого торчали кривые волосатые ноги в злополучных носках. Поверх халата опер был перепоясан ремнем с кобурой. Кобура была расстегнута.

— Так на отдых же едем, — объяснился Брюховец, смущенно одернул халат и вновь припал к окулярам.

— Пугало ты огородное! На себя смотрел?! Под шефа работаешь?

— Я не понял, мне что — в мундире ходить?! Или спать? — Брюховец ухмыльнулся. — Халат уже надеть нельзя, — проворчал он.

Коротких помассировал веки.

— Странный какой-то. Дурак, наверное, — конфиденциально добавил Брюховец биноклю на ухо.

Коротких сделал несколько резких наклонов вбок, разминаясь, и, выпрямившись, похрустел плечевыми суставами.

— Да, Плешивый вот. — Брюховец посмотрел на напарника, протянув с готовностью бинокль.

— Ну-ну, поговори, пока при памяти. Что там?

— Да так, ничего. Наблюдаю вот, как проклятый. Как всегда, я на самом плохом месте. Знаешь, как трудно бодрствовать в предутренние часы? Доктора не рекомендуют.

— А лучшие собаководы?.. Твое время, — мрачно напомнил навязанную напарнику договоренность Коротких.

Недовольный Брюховец забормотал что-то. Но Коротких проследовал в ванную, расстегивая рубашку. Через некоторое время оттуда сквозь плеск воды донеслось:

— Я тут твой одеколон возьму, Эду? Немного.

Подскочив с места, Брюховец разрывался на части. Долг или страх пересилил, и он остался у окна, пересев, правда, на стул для одновременного обзора коридора и двери в ванную.

— Свой надо иметь! Это я отлил немного. Французский. На сезон взял.

— У тетки?! — Коротких показался из ванной, похлопывая себя по влажным щекам. Выглядел он более благодушно. — Кто отлил, говоришь? У кого?.. Надо было мерные рисочки на пузырьке сделать. Для лучшего контроля... На сахар.

Брюховец глухо огрызнулся и отвернулся к окну.

— На тебя-то не напасешься. Разъел рожу на казенных харчах.

— Это ты только поправляешься — из куля в рожу. Хорошего человека должно быть много.

Коротких слегка поежился и расправил щеки.

— Окно прикрой! Простыл я, что ли... Заморозил ты меня.

— То «угорел», то «заморозил»! Не поймешь тебя. В показаниях путаешься.

— Закрой, говорю, окно, придурок! Не май ведь.

— Ну да — не май. Июль. Солнце на улице вон.

— Закрой, говорю, из дупла выпадешь еще. Недоношенным. — Коротких сжал кулак.

Обиженный Брюховец зыркнул на товарища и притянул раму.

— Хватит, хватит на меня волком смотреть! Закаляешься все. А я — болей.

— Хлипак маломощный.

Коротких сделал пару наклонов вперед, доставая пальцами пол.

— Плешивый уже собирается, — сменил тему Брюховец.

Используя колонию голубей как естественное укрытие, он продолжал наблюдение за своим визави.

— Значит, и нам пора. Снимай свой патрон-таш. И шинель. — Коротких хмыкнул и шмыгнул носом. — Заморозил-таки, гад. На, держи! Бери свой саквояж и иди к машине.

Коротких опустил на колени Брюховца свою сумку. Брюховец издал предсмертное усеченное кваканье раздавленной лягушки и обхватил сумку руками. Он освободился от поклажи и заметался, быстро переодеваясь.

— Я посмотрю отсюда за ним. На всякий случай. А то он выходит у тебя как-то странно. Надеюсь, помнишь?

Скрючившись, Брюховец с трудом поволок сумку и саквояж, не решив еще, в какую сторону свалиться. Дотащив груз до двери, он пнул ее ногой. Еще раз. Преграда не поддавалась. Сбросив поклажу на пол, он побился о дверь волной.

— Нас заперли, — заскулил он. — Все пропало.

— Что у тебя пропало? — обернулся Коротких. — Опять?!

Неожиданно резво Коротких подбежал и налег на дверь. Она скрипнула, но не поддалась. Снаружи были слышны чьи-то шаги и негромкий разговор.

— Давай через соседний номер, — решил Коротких. — Там балкон недалеко. Шуметь не будем.

Брюховец открыл рот. Посмотрел на напарника и промолчал.

— Я говорю: вышел он. Время! — Коротких свел брови.

— А почему у нас балкона нет? А если там закрыто?

— Стекло выдавишь. Я поддержу тебя.

Коротких дернул раму, растворив окно нараспашку. Согнал голубей и поморщился, погладив щеки.

Запоздало забеспокоившись, что он скажет соседям, Брюховец, прижимаясь к стене, медленно прошел приставным шагом по каменному выступу, дотянулся до перил и перелез на балкон соседнего номера. Балконная дверь была открыта. Коротких мотнул головой, понуждая войти. Поспешно закрыв окно, он приступил к приему пищи накоротке, ожидая освобождения из плена.

Войдя в соседний номер, Брюховец вытер тюлевой занавеской пот со лба, отодвинул ее и просочился тенью в помещение.

Симпатичная блондинка лежала в постели и читала книгу. Она приподняла брови и оценивающим взглядом смерила материализовавшееся перед ней привидение. Обернутое гардиной, как римский патриций.

— О-о-о, мадам! — расцвел Брюховец. — Прошу прощения за столь раннее вторжение. Кажется, я перепутал номер, — развел он руками, освобождаясь от занавески. — Пробираюсь до-

мой, видите ли. Прошу прощения, как вас зовут? Эдуард! — представился он и дернул головой. — Если не ошибаюсь, видел вас вечером внизу?

Блондинка отложила книгу и с интересом осмотрела Брюховца.

— Лена. А что это вы через балкон домой? По-моему, мы на пятом этаже.

— Потерял ключи, знаете ли. Вторые — у жены. Она там спит. — Брюховец указал на стену за кроватью. — А я, понимаете, возвращаюсь домой. А разбудить ведь нельзя, сами понимаете... Утро уже.

Лена недоверчиво рассмеялась, на что Брюховец замахал руками.

— Что вы, спит. Снотворное... Нет — она сама, что вы! Мигрень там, знаете ли. Ну, вы понимаете... А пятый этаж — это ерунда. Спецподготовка, — приосанился Брюховец.

— Да-а... — удивилась Лена. — А так и не скажешь. Сразу.

— Ну что вы... Я ведь... У-у... — Брюховец соорудил значительное лицо в пароксизме самоубеждения.

Из ванной донеслось явственное шуршание. Брюховец насторожился, внезапным холодком

пронеслась в голове мысль о наличии в номере мужа, а то, может, и мужчины.

— Это подруга, — улыбнулась Лена. — Ее вы, наверное, тоже видели.

— Ах подруга, я помню, — обрадовался Брюховец. — Мы вас видели. Вечером. Вы представляете, а я тут с другом.

— Где? Он тоже на балконе? Или — там? — Лена с улыбкой указала на стену позади себя.

— Нет, зачем же! Он тоже живет в этой гостиной. Остановились на ночь. Я с женой — привязалась провожать, а он один. Летим на днях в Стокгольм. На подписание контракта. На парафирование. Сделка. — Брюховец развел руками, обозначив то ли размеры прибылей, то ли контракта.

— Понятно. Бизнесом занимаетесь...

— Да! Так, владеем кое-чем. Зачем бизнесом? — Брюховец неопределенно покрутил головой в воздухе. — Хотя, — он замялся, — на самом деле я из управления секретных операций. Но это между нами! Мне кажется, у нас наметился контакт. — Брюховец даже глаза прикрыл в томной улыбке. — Крышуем, знаете ли.

— А что крышуете? — заинтересовалась Лена.

— Да все подряд! — брякнул Брюховец.

Из ванной появилась вторая блондинка в бледно-желтой шелковой ночной сорочке. Она осторожно промокала лицо белым вафельным полотенцем.

— Познакомься, — порекомендовала Лена. — Некто Эдуард. Пробирается в соседний номер через наш балкон. Таинственная личность.

Незнакомец же явно терял ориентацию между двумя девицами.

— Да? Вот как! Проверка?

Лена пропустила последний вопрос подруги, продолжая держать улыбку.

— А вас как зовут, мадам? — Брюховец открыто млеп.

— Люда.

— Вы знаете... — Разведчик и сыскарь, тайный агент и резидент не знал, на ком остановить взгляд. — ...в моей практике был похожий случай...

Люда попросила пока не рассказывать — ей необходимо было на минуточку удалиться, — подхватила одежду и скрылась в ванной.

С бешенством посмотрев на часы, Коротких — перекусить он успел — еще раз перемерил квадратуру номера, посмотрел на потолок, — кубатуру мерить не решился, — и выглянул в окно. Брюховца на балконе и на улице видно не было. Зато Плевшиный с Зеленым могли показаться с

минуты на минуту. Коротких выругался, помяная баперника нехорошими словами, засыпал крошки бутерброда в рот и захлопнул створку.

Брюховец сидел на кровати в ногах у Лены. Люда разместилась в кресле у зеркала, расчесывая влажные волосы. Обе с профессиональными улыбками внимали эмоциональному рассказу нового знакомого.

— Да, и тут он влетает! Ва! Так на меня! Я — в сторону! Закрывая, конечно, даму собой. То есть грудью. — Брюховец, не вставая с полюбившегося места рядом с девушкой, пытался изобразить сцену в лицах. — С правой, конечно, было лучше. Но мне все равно... — Он махнул рукой, рассекая воздух. Его понесло. — Стрелять-то нельзя...

— Я не поняла, — подала голос с кресла Люда, — это что — ее муж был?

— Ну да, Людочка! Я-то в засаде! Жду преступника, представляете. Кто же знал, что муж явится? Жена тоже не знала. Она-то, знаете ли, в неглиже. Натурально. И я — один... И он — так... Ага, заходит!

— Прямо страсти, — поддержала Лена.

— Да-а, было трудно, — напыжился Брюховец. — Я, конечно, тоже слегка одет. Пистолет, правда, при мне. Я его никогда не снимаю.

— Не трет? — осведомилась Лена серьезно.

— Что? Да что вы, привычка многолетняя. Столько лет на линии огня! Да и дамы возбуждаются... Ага! Так он, значит, заходит... Лицо перекошенное, в руках какой-то тупой предмет. Прямо дикость какая-то, ей-богу! Как тут объяснишь что-нибудь?

— И, значит, именно в этот момент вы выпрыгнули?

— Точно! Правильно. Через журнальный столик... Восстановлению не подлежал. И тут пошло...

Брюховец замолотил руками по невинному воздуху, как вентилятор.

В коридоре, перед дверью номера, в котором томился взаперти Коротких, стоял бесстрашный Пинчер. Он нагнулся к замочной скважине. Он вряд ли ожидал, что дверь внезапно обрушится и треснет его сверху по спине. Подпрыгнув от боли, но не выпрямляясь, он едва увернулся от влетевшего в противоположную стену Коротких с сумкой и саквояжем в руках. Пронеся часть обломков двери несколько метров на спине, Пинчер разогнулся и ускорился, не вдаваясь в подробности происшедшего.

Дверь соседнего номера открылась. Показался ловелас Брюховец. Он отпускал воздушные поцелуи обеими руками. Симпатичная блондинка провожала его, загадочно улыбаясь. Брюховец

схватил кисть ее руки обеими руками и начал томно прощаться.

За его спиной Коротких издал рык, и Брюховец обернулся, застыв столбом.

— Василий! Она меня не выпускала. — Оправдываясь, Брюховец изобразил недоуменное выражение лица и указал пальцем назад.

Дверь захлопнулась. Такого удара Лена от Брюховца не ожидала. Или торопилась.

Коротких пускал пар, прогреваясь перед броском.

— Василий! Клянусь! Табельным оружием.

Напарники помчались вниз по лестнице. Стартовали одновременно, но лидировал налегке Брюховец, спасая свою жизнь. За ним, размахивая с заносами на поворотах поклажей, неся, как добросовестный грузчик за ретивым клиентом, Коротких. Миновав в холле жестикулирующего регулировщиком портье, они вылетели во двор. Брюховец рванул к «желудю», петляя, как заяц, уходящий из-под прицела. Наверное, боялся, что его забросают сумками. Достигнув цели, он быстро вскочил за руль. Коротких замешкался, забрасывая багаж на заднее сиденье.

Не успел Коротких нормально усесться, как Брюховец тронулся с места, вырулил на подъездную дорожку, повернул на повороте и впечатался в зад припаркованной у бордюра легковушки. Посыпались осколки световых устройств.

— Кретин! — просвистел, отдуваясь, Коротких.

— Вчера ее тут не было, — оправдался Брюховец и резко сдал назад.

— Убить тебя мало. Догнал бы — убил! — нелогично закончил Коротких.

Из придорожного кафе выскочил вероятный потерпевший и истошно завопил, тыча пальцем в набирающие скорость жигули:

— Полиция!!!

Трудно было понять, то ли он узнал пошедший на таран экипаж, то ли требовал возмездия. Портье невозмутимо отсмотрел сцену, вернулся на рабочее место и доложил по рации.

В это время в номер Зеленого неторопливо и уверенно, с сознанием дела, вошел Утюг. Дверь он открыл, как ни странно, хотя что тут странно, — ключом. Пистолет держал наготове. Осторожно прошел в комнату — там никого не было. Засада, буквально... Образно говоря... Открыл на всякий случай шкаф, покопался многозначительно в пепельнице, стоящей на письменном столе. Выудив из нее подходящий по параметрам окурок, Утюг осторожно поместил его в пакет из коричневой плотной бумаги. И перешел в ванную. Постоял, посмотрел на свое отражение в зерка-

ле. Принял внушительный вид. Спрятал пистолет и, наклонившись в сторону унитаза, проговорил в лацкан пиджака:

— Шеф. Его уже нет.

— Следуй дальше. Продолжай по плану, — донесся, как сквозь подушку, голос из глубины.

Утюг вытянулся во фронт. Затем он позволил себе расслабиться. Оглянулся назад и спустил в унитазе воду. Крика утопающего не последовало. Утюг недоуменно помялся, расправил лацкан — там что-то затрещало. Прицельно плюнув в жерло унитаза, он провел ладонью по коротко остриженным темным волосам.

В номере Двуппера он осмотрел подозрную трубу на треноге против окна и пощупал теплый еще окуляр.

О чем думал Утюг, никто не знал... А может, дешифратор для чтения мыслей нужен, скремблер, а-а-ах?!

Протяжный, булькающий предсмертный хрип. Легкий хруст шейного позвонка, и голова писателя дернулась, упала на стол.

Он слишком близко подошел к разгадке. Сильный, разом распухший язык вывалился изо рта и скользнул по бумаге, стирая только что написанную последнюю фразу. От непросохших чернил кончик его стал фиолетовым.

Короче, соавтора нет. Так что о чем думал Утюг, никто не знал.

ГЛАВА 14 ДЕВОЧКИ НА ТРАССЕ

По широкой автостраде, общим направлением на юг, если верить светилу, на приличной скорости двигалась небольшая кавалькада транспортных средств. Первым летел серый мерседес. За рулем сидел Плешивый, небрежно положив два пальца на нижний полукруг руля. Рядом был Зеленый. Оба хранили молчание.

За ними, на некотором отдалении, держа дистанцию, что было удивительно для детища отечественной автомобильной промышленности, ехал «желудь», в баранку которого вцепился Брюховец. Коротких, отодвинув сиденье до упора назад, откинул голову на подголовник и позевывал, зажмуриваясь.

Позади них, не отставая и невероятно теща, как газонокосилка, неся мопед или что-то очень похожее. Что все равно было непонятным. Брюховец и Коротких не видели, кто их преследует. А это была колоритная фигура представителя Интерпола. Мопед, как и его водитель, были экипированы на славу: стальной конь рассекал

воздушные струи плексигласовым стеклом и противодарными дугами. Пинчер, в шлеме с прозрачным забралом и крагах, для обтекаемости согнулся, как жокей на скачках.

Солнце палило нещадно. И хотя все стекла были опущены, врывающийся горячий воздух не приносил ощутимого облегчения, выжимая пот из массивного тела Коротких. Он шумно отдувался и выставлял в окно руку, загребая ладонью поток от себя. В животе бурчало от отсутствия нормально-го питания.

— Из-за тебя без завтрака остались, — не от-крывая глаз, вновь напомнил Коротких.

— Я же не знал, что они в гостинице остались. Ты же побежал...

Разговор выходил на новый виток, но несравни-мо ленивее.

— Я за тобой побежал. А ты чего побежал?

— Ты же побежал. И я побежал.

— Я за тобой бежал.

— Как за мной, если ты первый побежал?

— Я за тобой, идиот, бежал, уши тебе оторвать!

— Что же мне — оставаться и ждать? — тихо ос-ведомился Брюховец.

Распекать Брюховца за ранний отрыв из мо-теля без оплаченного завтрака он устал. Не раз-обравшись в жестах портье, они уехали, хотя их подопечные спокойно вкушали пищу в ресторане. Пришлось больше часа ждать на шоссе и из-за неизвестного лимита времени перекусить всухо-мятку. Этого времени на проработку хватило, и теперь голова от недостатка сна и неожиданно нагря-нувшей жары, как всегда, наливалась тяжестью.

Брюховец мельком взглянул на потеющего Коротких. Рубашка у него покрылась темными пятнами.

— Что, спекся? — посочувствовал Брюховец, добываясь признательных показаний.

Помолчали.

— Наконец-то тепло стало. Позагораем! Солн-це, море, девушки... — продолжил восторги Брюховец.

— Кондиционер бы.

— Размечтался! Кондиционер не предусмотрен разработчиками этого чуда техники. А я пред-упреждал. — Брюховец повернулся, ища под-тверждения. Не нашел. — Радуйся теплу. К морю едем!

Коротких благосклонно сносил его треп, напо-миная умудренного опытом пчеловода, прислу-шивающегося к жужжанию подведомственных пчел. Он повернул голову и поглядел на напарни-ка, который не спускал глаз с виднеющегося вдали мерседеса.

— Вот-вот, не отрывайся, — похвалил Корот-ких. — Ты чего это? — удивился он, рассматривая доступную для обзора щеку и подбородок Брю-ховца.

У того на лице начинали закручиваться в спи-раль несколько одиноких черных волос.

— Шеф же сказал: изменить внешность. — Брюховец недоумевал. — Бороду отпускаю. Ни-чего, быстро растут. — Он с удовлетворением потер подбородок ладонью. — Как чувствовал, несколько дней не брился. Плюс вчера и се-годня...

— Кретин! — тяжело рубанул Коротких. — Ты на себя посмотри. Пугало. Чтoб сбрил! Развел за-поведник для блох. Может, ты и фамилию поме-няешь, шеф ведь предлагал? — Открылась удач-ная тема для мелкой мести.

Брюховец разинул рот для отповеди.

— Ой, забыл, забыл! Как это я так? Внучатый дядя, конечно, легендарный комбриг! — издева-тельно протянул Коротких, изображая желание отпрянуть. — Припоминаю... Героический дедуш-ка! Зачем ему только такую кличку дали? Или — за что?

Брюховец надулся. Некоторое время опять помолчали. Но жизнерадостный Брюховец долго не мог обижаться и через некоторое время уже насвистывал неизвестный мотивчик. Нещадно фальшивя.

— Вообще, кто такой этот Плешивый, а? Ва-силей?

— Телевизор смотришь?

— Да, там скажут... А что, говорили?

Коротких промолчал.

— Так это он с Зеленым обанкротил банк?

Коротких кивнул.

— Ха! Ну, мы их выведем на чистую воду. Я помню...

Коротких недовольно покосился.

— Погода хорошая, — переориентировался Брюховец. — Море, бикини, вино... Эх, не уме-ешь ты радоваться жизни! Предвкушай!

Не поддержал Коротких и этой темы, тем бо-лее что она напомнила о завтраке. Помолчали.

— Как ты думаешь, — озаботился через пару минут Брюховец, — они не удивятся, что мы не от-стаем от них? — И кивнул на спидометр, стрелка которого прыгала вокруг цифр 120.

Коротких задумался.

— Думаю, нет, — вывел он. — Что, нам нельзя ехать в одну сторону? — добавил он и повернулся к Брюховцу.

Тот просигнализировал поддержку и пони-мание.

— Не пойму только, зачем они на машине поехали? — вышел наконец Коротких на разговор.

— Наверное, Плешивый не захотел машину в Москве бросать, — предположил Брюховец.

— А почему? Что — он возвращаться не собирается?

— С такими деньгами везде хорошо... Ты, я смотрю, много думаешь?

— Да, есть вопросы. Например, почему по ящику вчера объявили, что украдено было пять миллионов.

— А что, больше взяли?! — Брюховец отвлекся от дороги.

— Как раз меньше. Три.

— Тогда два кто-то положил себе в карман, — быстро нашел решение несложной математической задачи Брюховец. — Или положит.

— Это понятно. Хотелось бы знать — кто?

Брюховец пожал плечами:

— Нам докладывать не будут. Откуда ты знаешь, что там три было? Этой информации можно доверять? Да? Значит, больше взяли, надо же... Да, кто-то возьмет... — мечтательно произнес он.

Сомлевший Коротких задумался. Объяснять задание напарнику его не уполномочили. И хотя Брюховец не был таким уж дураком, каким успеш-

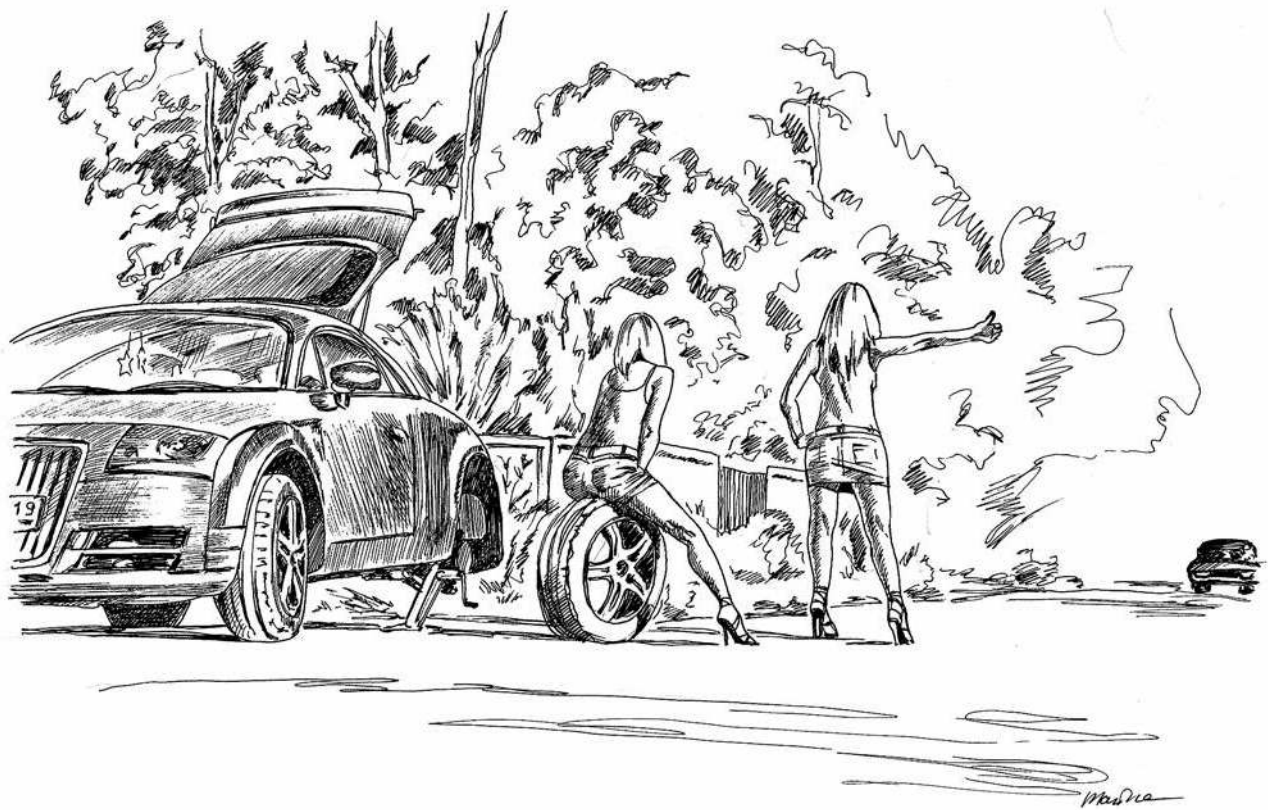
но казался, но посвящать его в детали не следовало. Это и ему было понятно. Коротких еще раз посмотрел на безостановочно тарыхтящего Брюховца, вздохнул и вновь начал погружаться в летаргический сон.

Брюховец же перебрал всех, кто мог обогатиться: банкиров, крышу, смотрящих крыши, собственное начальство, таинственных поделщиков... Миллионы долларов не давали ему покоя.

Чтобы не заснуть, Коротких меланхолично попивал воду из пластиковой бутылки, не теряя из виду объект преследования. Брюховца он отключил от канала приема сигнала, включив подавление помех.

Пелотон из мерседеса и преследователей приближался к развязке. Впереди на обочине отчаянно махали руками, как потерпевшие крушение на необитаемом острове, две девицы. Одна — в мини-юбке, другая — в шортах. И обе — блондинки. Рядом стояла машина с поднятым капотом, из-за которого появилось наклоненное над двигателем туловище шофера в панаме.

Мерседес, не снижая скорости, пронесся мимо. Брюховец слегка сбросил газ, красноречиво предлагая прихватить девочек. Коротких промолчал, и Брюховец довольствовался воздуш-

ным поцелуем. Девушки азартно ответили, так что Брюховец, с трудом огибая Коротких, продолжил жестикуляцию, закончив ее перегнувшись назад через сиденье. Коротких не удержался и зафиксировал руль заваливавшейся машины.

Девушки были неугомонные и, не останавливаясь, продолжали оживленно махать вдогонку. К ним приближался Пинчер. С серьезным лицом он показал пальцем, что едет направо, и проехал прямо. Блондинки, до этого не обращавшие на него внимания, с раздражением послали его, показав средние пальцы. Ругательств слышно не было, но что-то точно произносилось.

Возбужденного близостью добычи Брюховца буквально распирало, его руки лихорадочно бегали по передней панели, ощупывая ее выпуклости:

— Какие девочки! Ты видел?! А?! И мы их не взяли! — Брюховец закатил глаза. — Опять на задании...

— Где мерседес? — протянул Коротких. — Теперь я тебя спрашиваю! Ты, солома, прошедшая через желудок, ты куда смотрел? — зловеще-предгрозовым голосом осведомился Коротких.

Напарник вытянулся, вцепился в баранку и уставился вдаль. Наваливаясь на руль и выжимая педаль газа до упора, он стремился помочь автомобилю догнать пропавших из видимости подопечных.

Неслись, как шаровая молния. В салоне пахло озоном, раскаты сотрясали машину. Коротких потрясал кулаками. Автомобиль подпрыгивал на кочках и выбоинах, развив запредельную для него скорость. Пятнадцать минут напряженной гонки за невидимым лидером ничего не дали. Коротких, метнув очередной разряд в спину влипшего в лобовое стекло Брюховца, передал по радиации о ЧП, сверившись с автомобильным атласом и уточнив точку на трассе, где преследуемые оторвались.

Наверху, обгоняя, прогремел низколетящий вертолет. Скорость не сбрасывали, хотя Коротких и выглядел озабоченным: поездки на автомобиле с Брюховцом не были его любимым занятием.

Снова пролетел вертолет. Теперь обратно. Через некоторое время радиация выдала исчерпывающий ответ. Они оторвались от преследуемых, которые двигались в десяти километрах позади.

Коротких тяжелым, не предвещавшим ничего приятного соратнику взглядом резюмировал поступившую информацию.

— Ну, не мог я их проглядеть, — опередил его Брюховец. — Видно, на развилке они не туда поехали, — противореча себе, объяснил он.

Коротких внимательно осмотрел напарника и скомандовал:

— Тормози у тех деревьев! Загоняй в посадку.

Скоротали время по-разному. Брюховец энергично выполнил комплекс физических упражнений, повисев, как куль на суку. Коротких, не покидая салона, очередной раз позавтракал остатками бутербродных запасов. Он отряхивал крошки с рубашки и брюк, когда в машину влетел Брюховец, не в силах вымолвить ни слова открытым в ужасе ртом.

Напарники озадаченно смотрели на мерседес, который, покачиваясь на грунтовой дороге, пылил прямо на их укрытие. Не зная, что предпринять, Коротких сложился вперед насколько мог, а верный Брюховец бросился на него и уткнулся носом в спину.

Мерседес, не доезжая метров десяти до импровизированной засады, свернул влево, вдоль желто-зеленых полей подсолнечника, в направлении небольшой рощицы. Переждав опасность — обстановка оценивалась по удаляющейся музыке, — Коротких разогнулся, сбросив Брюховца.

— Что ты прилип ко мне, как гомик? — брезгливо отчитал он Брюховца.

— А что было делать? В петлю лезть? — Брюховец стукнул кулаком о тонкий руль. — Ты думаешь, я прямо удовольствие получил? Сам-то не стерилен... Двигаем отсюда, — предложил он и затерзал стартер.

— Не надо, — определился Коротких. — Загоняй глубже! Будем здесь ждать. Ты что, думаешь, они этой дорогой до Сочи поехали? В машине у них девки те, с дороги... Сзади сидят.

— А ты, однако, глазаст на девок-то, Васисулай, — хохотнул Брюховец. — Молоток, я тебя уважал! Чего это они остановились здесь? Может, встреча какая? Хотя вряд ли... Понятное дело.

Усталый Коротких промолчал.

— Да-а, — осклабился Брюховец. — Ребята не дураки. — Его лицо мечтательно вытянулось. — А ведь я предлагал подобрать девчонок...

Коротких постановил ждать.

— Пикник на обочине, — пошутил Брюховец. — Дай пожевать чего-нибудь, Базилио! Неужели все съел? Так мало положили тебе?

— Воды попей.

Брюховец поворчал еще и вылез из машины для ориентации на местности. Тревожно озираясь, он подобрал место помягче и улегся на траву. Коротких грузно подсел к нему, испытывав необъятной спиной на прочность шершавый ствол акации.

Оба принялись рассматривать редкие белесые облака на ярко-синем небе. Пролетел вертолет. Приятно потрескивали радиация и какие-то сучки. Что-то жужжало и стрекотало вокруг в листе.

Где-то недалеко подстригали машинным способом траву, потом затихли.

Парило. Брюховец, не выдержав долгого бездействия и спазмов в желудке, ободрал соседнее абрикосовое дерево и, не приняв во внимание слабые увещевания по качеству Коротких, наелся сомнительных зеленоватых плодов.

Прошло около часа, и статус-кво был восстановлен. Трио во главе с мерседесом Плешивого и замыкающим Пинчером, снова, как ранняя, вне графика, перелетная стая, потянулось на юг. Воздушные просторы бороздили по черному шоссе. Горячий воздух дрожал над дорогой, превращая ее на горизонте в сверкающую ленту.

— Непонятно, как они все-таки впереди нас оказались? — поморщил лоб Коротких.

— Кто — впереди? Сзади! Ты что? — Брюховец уставился на напарника.

— Я про девок этих... Похожи они на тех, из мотеля нашего. Что вечером оформлялись.

— Наверное, они вернулись за ними, — не мог сойти с колеи своих предположений Брюховец. — Плешивый что — дурак, что ли? Я бы тоже вернулся... — Он метнул косо взгляд на Коротких. — Хотя сразу надо было брать. Рисковали они. Девчонки видные. На дороге не валяются. Если бы не ты...

— Половой гигант!

Мерседес начал притормаживать перед заправкой. Брюховец клюнул указательным пальцем, показывая на приборы — лампочка мигала, — предлагая тоже заехать. Коротких кивнул.

Заправка походила на одинокий буранный полустанок в степи. Зной преграждался широкой плоской крышей, под сенью которой разместились четыре колонки и магазин. Очаг цивилизации на трассе поддерживался трое техников в форменных зеленых комбинезонах.

Брюховец лихо подрулил к колонке, но с неудобной для заправки стороны, о чем ему подсказал один из техников. Пришлось поведать тому, что машина принадлежит другу. Коротких сдержался.

Весь обслуживающий персонал суетился во круг мерседеса, полируя стекла. Других машин на заправке не было. Брюховец, стесненный в выражах только бетонной отмошкой колонки, достаточно ловко перестроился на противоположную сторону и безуспешно попытался укрыться от посторонних взглядов за солнцезащитным козырьком. Рост не позволил.

Как кассир-казначей экспедиции, Коротких пошел оплачивать топливо, бросив на ходу взгляд внутрь салона машины Плешивого. Из магазина он

вернулся, потягиваясь и прикладываясь к бутылке пива. Проводив взглядом медленно отъезжающей мерседес, он пнул ногой погнутой бампер жигулей.

Отгнав, алчную по его мнению, службу, Брюховец лично заправлялся. Экономил на чаевых. Техники маялись в стороне. Внимание напарника на дорогу обратил тем не менее он.

Мимо АЗС с ревом в полном облачении пронесся Пинчер. Внезапно разозлившийся, словно у него с интерполовцем водились давние счеты, Коротких оторвался от бутылки и с неожиданной легкостью запрыгнул в машину. Брюховец рванул, как на пожар. И оборвал пистолет от заправочно-го шланга, забыв его вынуть.

— Гони давай, гони, — пропыхтел Коротких и достал с заднего сиденья термос.

Брюховец посмотрел в зеркало заднего вида. Там в луже разливающегося бензина бесновался обиженный техник. Товарищи его разбегались.

— Во, как жаба душит за десятку! Не дали заработать. Ты заплатил, Василий? Парень чем-то недоволен. — Брюховец мотнул головой, показывая на зеркало.

— А-а... Чек не отдали. — Коротких выбросил чек в окно.

Они нагоняли мопед Пинчера. Коротких свернул широкую крышку с термоса. Он наполнил ее пивом из бутылки, стараясь не облиться, и, закрыв ладонью отверстие, взболтал напиток.

— От себя отрываю, — сказал он Брюховцу и показал, чтобы тот прижался поближе к упакованному байкеру.

Когда они поравнялись с незадачливым представителем Интерпола, Коротких, горестно вздохнув, плеснул коллеге в забрало пенистую жидкость. Пинчер немного повилял, съехал на обочину и свалился в кювет. Напарники полюбовались поднятым облаком пыли и переглянулись.

— Красивый был покойник! — одобрил кульбиты Пинчера Брюховец. — Как бы шею не сломал.

— Опять ты их отпустил! Сейчас я тебе шею сломаю! — заорал Коротких. — Газу!

Он еще раз, для уточнения, выглянул в открытое окно и поглядел назад. «Желудь», получив резкое ускорение, скакнул вперед, как от пинка.

— За дорогой следить надо, — прошипел Коротких. — Плохо быть бестолковым, да? Но ты трудностей не боишься... Ты знаешь, что у нас из бака пистолет заправочный торчит?! Идиота кусок!

— Ты же сказал: поехали, гони.

Брюховец сжался и схватился за руль как за спасательный круг, сясь вытолкнуть автомобиль вперед дополнительными мышечными усилиями.

— Может, сообщить, чтобы нас сориентировали? Вон он летает.

— Давай ехай, не могли они свернуть. Что ты из меня еще идиота делаешь? Буду я звонить каждые пять минут!

Брюховец осторожно покосился на напарника...

Да, туповат Василий! Рожка довольная. Из кого тут идиота делать? Готовый экземпляр. Выставочный. Эти двое хапнули пять «лимонов» баксов, а мы за ними следим еще. Эскортом сопровождаем. Когда их брать надо... Чего следить, чего ждать? Когда они деньги потеряют? Или потратят? Кому-то это нужно, значит... Понятное дело, тому, кто обеспечил два дополнительных «лимона». А кто это? Банкиры? Мы их возьмем, а денег уже не будет. Деньги всем нужны...

Аж похолодев от озарения, Брюховец быстро, украдкой метнул взгляд на Коротких. Этот идиот и не догадался. Понятно, почему суета вокруг этих Плешивых и Зеленых! Все эти Утюги, Пинчеры и Киргизы. Дележка денег скоро! Точно!

Он почесал затылок.

Большой куш, однако. На крайняк, понятное дело, внесут назад, найдут, то есть, три. А за оставшимися двумя вся охота и идет. Неучтенка... Вот рожка-то самодовольная: «почему пять, почему пять?» Тупица! Два миллиона долларов... Это ж какой секретный фонд... А зачем? Тайные операции, ясное дело! Наркотики. Может, даже и вербовка. Вполне... А кого?

Так и мучился Брюховец всю дорогу от перевариваемого количества проклятых вопросов. К Коротких за разъяснениями даже и обращаться было бессмысленно. Что у него за мыслительный аппарат. Так и пронеслись весь оставшийся день в молчании, чему Коротких был несказанно рад, получив возможность отоспаться.

И ночью сон не шел Брюховцу, он вертелся в машине, стараясь уснуть.

А как он мог прийти на этих пыточных креслах? А Толстый ничего — спит как младенец. Сейчас палец засосет.

Не найти мест в захудалой придорожной гостинице! Понятно, что для Плешивого с Зеленым нашлись места. С деньгами-то... Да еще с девчонками. Похожи они, черт побери, на Лену с Людой! Мест у них нет, видите ли. И этот идиот не стал удостоверение предъявлять. Не наши люди, видите ли. Раскрываться нельзя... А тут укрыться нечем! Сидим тут, как шакалы на обочине... Ладно, на сэкономленные деньги в Сочи развернемся. Пусть только попробует что-нибудь сказать.

И в животе еще процесс какой-то нездоровый. Благо кусты рядом. Шорохи все какие-то там подозрительные. Нигде нет покоя. Оправиться спокойно нельзя.

ГЛАВА 15 В ГОРОДЕ СОЧИ

А линный и толстый, перетянутый посередине гармошкой на манер ветчины, переполненный аэродромный автобус подвез шумных пассажиров к трапу самолета. Из трех возможных выходов дверь распахнулась только в среднем. Выйти захотели все разом, привычно налегая, уплотняясь и работая локтями, чемоданами и прочей допущенной в кабину ручной кладью.

Алла придержала Светку, призвав к позиции пассивного невмешательства. За окном моросил дождь. Люди в шортах, майках и легких платьях, настроенные на отпускной лад, запруживали пространство около трапа. Они хотели покинуть холдную Москву как можно скорее. Все клонили головы, пытаясь спастись от капель. Кое-кто накрывался пакетами, сумками, газетами. У первой ступеньки стояла в глухой обороне суровая служащая аэропорта в форменной одежде, не пропуская людей на посадку. На ее лице утро было совсем хмурым.

Правда, и Алла не могла похвастаться хорошим настроением. Позавчерашний вечер закончился бессонницей. На следующее утро билетов взять не удалось, и день прошел в отчаянной попытке купить что-либо для отдыха. Хотелось хоть тряпками создать летнее настроение. Но безуспешно. А ведь надеть нечего...

Ночь опять протекла в мыслях о Гене. И непонятном, как стало ясно по размышлению, разговоре с Карпом. Карп явно темнил. Недоговаривал. А сегодня Светка суету устроила. Мало того, что она ее трижды будила, так она все равно опоздала. Еле успели. И это к одиннадцати часам!

Глаза красные от бессонных ночей. Главное, чтоб Светка не подумала, что она плакала по Генке. Сама-то Светка, конечно, хороша: веки как у Вия. Как она их поднимает? Глаз не видно... Вечер, видно, тоже удался. И не один. А минимум два.

Алла со Светкой до последнего стояли в автобусе, пока их не выгнал водитель. Делать было нечего, пришлось выбираться под дождь. Автобус уехал, и мрачная толпа, прижатая к бетону ревом двигателей, начала выказывать нетерпение все решительней. Со служащей, возвышающейся на неприступной лестнице, ругались в основном задние кромки гудящего роя. Передние, видимо, острее

ощущали близость комфорта салона, надеясь поскорее спрятаться от дождя.

Наконец наверху показалась стюардесса, показала большой палец, и народ повалил в чрево лайнера.

Оказавшись внутри, люди вновь пережили метаморфозу. Радость граничила с агитацией. Метание в проходе, укладка багажа, перебранки, перемена мест между группами и индивидуумами. Алла села у окна. По проходу она шла первой. Светка поместилась рядом. Губы ее были надуты сильнее обычного. Место у окна числилось за ней. Усугублялось все тем, что ее соседкой, занимающей место у прохода, оказалась толстуха лет пятидесяти, беспрестанно отиравшая пот со лба и шеи. С учетом этого поведение Аллы отмечалось по меньшей мере как бестактное. Если не сказать больше. Но сил на выяснение отношений не было. Да еще при толстухе. Пыхтит паровозом! Все это читалось на Светкином лице жирным шрифтом.

Алла, не отвлекаясь, рассматривала аэропортовое хозяйство, не желая сталкиваться со Светкой взглядами. Все, что они могли обсудить, и так сгустилось в воздухе. Спать надо меньше!

Но тут вмешались высшие силы. Толстуха участвовала в какой-то многоходовой комбинации и перебралась к своей знакомой — вместе потеть, — освободив место для высокого брюнета в джинсовом костюме.

Пропустив первый обмен дежурными фразами, Алла повернулась и увидела знакомую брезгливую ухмылку, предвещающую успешный флирт, на Светкином лице. Время полета та явно собиралась записать в актив. Ответив на приветствие словоохотливого брюнета, оказавшегося Борей, Алла опять переключилась на события за испещренным каплями стеклом иллюминатора. Отпущенный было трап вновь подкатывал к фюзеляжу самолета. На сленге стюардесс — «тушке». К трапу подкатил белый микроавтобус VIP-зала. Алла для проформы протерла запотевшее стекло, но сомнений быть не могло. По ступенькам поднимался Карп с небольшим дорожным чемоданом в руке.

Она просто влипла в иллюминатор, услышав звук закрывающегося входного люка, но по проходу никто не прошел. Осторожно выглянув из-за спинки переднего кресла, она разглядела Карпа. Тот усаживался во втором ряду бизнес-класса. Взяв у стюардессы с подноса пластиковый стаканчик с минеральной водой, Алла заметила, как Карп поместил на откидном столике ноутбук.

Такого рвения, в смысле полета, от Карпа не ожидалось. И в совпадения такие не верилось. Ин-

тересное кино получалось. Очень интересное! Алла, и так заинтригованная происходящим, вновь начала перебирать в уме все, что она узнала за последнее время. За эти три-четыре дня. Да, похоже, намечались интересные события. Какие только, осталось понять. Забыв, что она начинала с банальной мести Зеленому за невнимание, она похвалила себя за пронцательное решение о поездке к морю. Теперь бы только Зеленого найти. Тогда он никуда не денется. Надо с Карпа не слезать, каждый день звонить... Главное, на глаза ему не попадаться. А может, лучше вообще за ним присмотреть? Куда он подается. Так, может, и вернее будет! Что-то он точно недоговаривал. Значит, знает что-то. Может и знать, где Гена. Может... И летит он неспроста!

Сгорая от нетерпения, Алла намотала локоны на оба указательных пальца. Светку с этим Борей по прибытии надо сбегать на время... Алла обдумала ситуацию с неожиданной встречей знакомого по прилете в Сочи. Пусть, мол, Светка едет в гостиницу сама с вещами. Боря, наверное, даже рад будет проводить новую знакомую наедине. Ишь, как щебечут...

Она успокоилась, оставила волосы в покое и, не поддаваясь на Светкины попытки подтянуть ее к оживленному разговору, откинула голову на спинку кресла, достала мобильник и вызвала из памяти

номер Зеленого. Прослушав предположения об отключении или недоступности аппарата, Алла выключила телефон, подчиняясь объявленной предполетной готовности.

Карп прекратил начатый было просмотр фильма на компьютере и переключился на стюардессу.

Светка, истерически похотывая, сообщила Борису о легкой боязни воздушных перелетов. Боря посоветовал расслабиться, выказывая пренебрежение к любым опасностям. Решено было выпить алкоголя при раздаче такового. Поводов было — хоть отбавляй.

Самолет вырлился на взлетно-посадочную полосу, не останавливаясь, резво побежал по ней, подсакивая на стыках плит, и, трясясь всем содержимым, внезапно оторвался от земли.

На посадку белый лайнер заходил со стороны моря. Синяя гладь воды блестела в лучах высоко стоящего солнца и у берега на мелководье действительно становилась лазурной. Как обещали друг другу бывалые пассажиры. На легких волнах мелкими точками виднелись какие-то катера. Вдалеке по курсу вырастали фиолетовые горы.

Все, кто мог, прилипли к иллюминаторам. Ажиотаж достиг апогея, хотя отпускной гадеж продолжался весь полет. Не успел самолет утвердиться на земле полным касанием всех шасси, как его разорвали аплодисменты.

— Отстрел башки, — нашла в себе силы отметить момент Светка, вглядываясь в красоты через плечо Аллы.

Боря не возражал, чувствуя себя именинником. Он держал Светкину ладонь в своей, помогая ей справиться с посадочным мандражом.

Народ дорвался, наконец, до того, о чем мечтал в сырой, промозглой Москве, и не скрывал своего восторга по этому поводу.

Аэропорт Адлера — не самая большая туристическая достопримечательность Большого Сочи. Но, тем не менее, его посещает огромное число практичных горожан. Летний сезон кормит местных жителей весь год. Так что борьба за денежные знаки прибывающих на временный постой велась по всем правилам планомерной осады. Обмен этих самых знаков на различного вида товары и услуги начинался сразу по попадании их в зал прилета. Партии жизнерадостных, представляющих легкую добычу, организованных, а лучше неорганизованных туристов оказывались в плотном кольце желающих заработать на них.

С трудом вклиниваясь между настойчивыми предложениями различной помощи, Алла объяснила через плечо Светке, которую прикрывал корпусом Боря, что она увидела знакомого, с

которым необходимо срочно переговорить. Для лучшей убедительности она указала на Карпа, которого встречал импозантный высокий мужчина в кипенно-белой рубашке и светлых брюках. Светка, отличающаяся хорошей памятью на особен мужского пола, подтвердила знакомство с предметом, выразив сомнение в необходимости срочной встречи. Равно как и обычной. Но Алла быстро всунула ей листок с бронью отеля, Боре — свою дорожную сумку и, помахав рукой, начала продвигаться к выходу в плотном кольце гудящих бесконечное «такси, пожалуйста, недорого», моторизованных сочинцев. Бесформенный заботливый рой облепил свою матку. Не обращая на таксистов внимания, фиксируя только посулы «по счетчику», «по низкой цене», «квитанцию предоставляем», она использовала их как живой щит.

Светка, буксируемая Борей, была уведена на площадь перед зданием аэровокзала. Где они сели в авто синего цвета. Алла запомнила номер и продолжила наблюдение за Карпом и его импозантным спутником. Они несколько выделялись своей репрезентативностью, так что местные извозчики, посчитав их бесперспективной парой, только на всякий случай иногда кидали ожидающие взгляды. Карп пыхал сигарой и, изредка кивая, слушал импозантного. Наконец он кивнул более решительно, и они вышли на улицу.

Выбрав благообразного немолодого таксиста с жетоном на груди, несколько спокойнее других выкликающего заветное «квитанцию предоставляем!», Алла спросила:

— А где машина ваша?

— Вот, на площади! Совсем рядом, — с готовностью отрапортовал тот и указал направление.

Провожаемые небольшой группой неугомонных кавказцев, они прошли к машине. Старенькая серая машина не испугала Аллу. Снаружи автомобиль был экипирован нарисованными на бортах «шашечками», оборудован самодельным оранжевым пластмассовым фонарем на крыше, а щитком с тарифами и счетчиком — внутри.

— Вот за тем мерсом, — указала Алла и, справившись с карточкой над лобовым стеклом, добавила, — Петр Семенович.

— Сделаем, — невозмутимо промолвил водитель в ответ на просьбу. — Не уйдет от нас ваш друг. Выведем на чистую воду!

Брошенные кавказские перевозчики, разевая рты, бились в стекла как аквариумные рыбки, обещающая золотые горы. Такси осторожно тронулось, дабы не отдавить ноги обойденным конкурентам.

Затем началась гонка. Сначала — вдоль моря по автостраде. Потом, не доезжая самого Сочи,

по серпантину в гору. Алла не успевала разглядывать достопримечательности, а таксист, лихо выкручивая руль, болтал без умолку, стараясь при этом привлечь ее внимание постоянным личным обращением. Его первоначальная тихость оказалась обманчивой. Он успел сообщить Алле все местные новости, поинтересоваться жизнью в столице нашей Родины, выдать сводку погоды на неделю вперед и ввел в курс забавной туземной терминологии. Похвалив ее житейскую мудрость, он одобрил, что она не польстилась на низкие цены гуронов, уточнив после вопроса, что это индейская кличка кавказцев, в первую очередь соседей — грузин. Заметив ее улыбку, он присовокупил, что другое индейское племя — делава-ры — это местные предприниматели.

Когда они подъехали к невысокому, несуразно разложенному на косогоре четырехэтажному тихому зданию, на фасаде которого гордо значилось «Отель "Сказка"», он уже приглашал Аллу к регулярным поездкам по городу с использованием его транспорта. Передав визитную карточку, Петр Семенович не исключил встречи и дома, отметив, что его хозяйка будет рада. Алла предложила повременить, обрадовав Петра Семеновича неоконченностью поездки.

Припарковались, не заезжая на стоянку у отеля, в тени аллеи кипарисов. Карп покинул машину и скрылся в здании, вход в которое был отмечен купой пальм. Мерседес быстро покинул оазис.

Петр Семенович поведал, что место хорошее, тупиковое, граница рядом. Гостиница частная, крутая, серьезные люди, видимо, живут. Хозяин — москвич.

Алла уже собралась было скомандовать возвращение в гущу кипящей жизни, как из отеля появился Зеленый в сопровождении какого-то наемного убийцы с квадратной челюстью. Убийца сел за руль муниципального такси — новенькой желтой «Волги», а Зеленый — на переднее сиденье рядом с ним. При Зеленом был дипломат. Чемоданчик этот Алла раньше не видела. Двери они не закрыли, а оба закурили, разговаривая. Минут через десять они вернулись в гостиницу, то бишь отель. «Убийца» закрыл машину, включив сигнализацию.

Отметив это как нехарактерность для муниципального такси, Петр Семенович продолжил начатые рассуждения о высоких ценах на бензин и моторное масло.

Решив не искушать судьбу после столь удачно-го начала, Алла санкционировала разворот и отъезд. Узнав, что надо ехать в «Центральную», Петр Семенович мгновенно посвятил в местное наблю-

дение, что тот, кто живет в «Центральной», денег, безусловно, не считает. Посетовал также на дороговизну запчастей и необходимость ремонта верного стального коня, набивая потихоньку цену.

Алла его давно не слушала. Она обдумывала правильность и целесообразность неожиданной встречи с Зеленым.

Валера и Зеленый вернулись в сказочный лубочный холл гостиницы и разместились друг против друга на диванах. Брюховец, удачно выбравший точку, подслушивал, наслаждаясь причастностью к тайне. Даже подумывал, стоит ли рассказывать Коротких. Но все же решил похвастаться.

Взглядом заклинателя змей Валера сверлил Зеленого. Тот, избегая направленного интереса, чистил ногти спичкой. Сидели, многократно отражаясь в огромных зеркалах, которыми холл был буквально увешан. Валера пробуравил Зеленого на ему одному ведомую глубину, и тот очнулся. Он набрал номер и напряженно вслушался в мобильный телефон.

— Не берет, — сообщил он и отключился.

— Я говорю, почему ты его отпустил?

— Не мог же я его заставить, чтобы он меня с собой взял? — устало ответил Зеленый в который уже раз. — Мы договорились встретиться в городе. Созвониться. Он сказал, что у него кое-какие дела. Не мог я настаивать.

— Ладно. Встречи назначили уже?

— Вот он и сказал, что ему нужно кое с кем встретиться, переговорить предварительно. Предупредил, если не дозвонюсь, встретимся в три на набережной. У какого-то «Кактуса».

— А ты? — Валера все же прекратил глубинное бурение Зеленого и слегка откинулся назад, не отводя тем не менее от него испытующего взгляда.

— Я тоже сказал, что должен кое с кем встретиться. Завтра.

— Хорошо, — согласился Валера. — Пусть первый раскроется.

— Да что хорошего?! Куда вы поселили нас? Сейфов тут нет. Опять с чемоданами, как дятлы, бродить?

— Похóдите! — помрачнел Валера. — Гостиница наша. Люди тут наши живут. — Он шуганул движением бровей Брюховца, который пытался прислушиваться к их беседе слишком активно с соседнего дивана. — И слушать тут хорошо... вас. Номера оборудованы. Ты лучше мне про девок ваших расскажи. В чем дело?

Зеленый торопливо открестился:

— Да это все Плешивый! Гуляет. У него, похоже, лимитов нет. И ограничителей тоже.

— Что, обе его?

— А что ты мне прикажешь делать? Состаться на нежелание?! Или под гомика косить? Ты мне лучше скажи, как мне объяснять, зачем я его в этот отель затащил, а никого нет? С кем его сводить?! И когда? Время-то идет.

— Это мы уже обсудили. Подождет. Изучай его контакты.

— Ага, изучай. А он дурак, поди. Щас!

— Придерживайся пока выработанного плана, — отрезал Валера. — Где они живут?

— Кто? А — эти... В «Москве».

— Кто такие?

— Так вы их и проверьте! На отдых приехали. Студентки. Машина у них поломалась. Со знакомым ехали.

— Отпечатки у них сними. Делом надо заниматься!

— А я что?! — взвился Зеленый. — Я от него — ни на шаг.

— Вижу... С ними встречаться договаривались?

— Вечером. Он деньги не считает, учтите. Так и меня скоро доведете своим распределением фондов. Где мне деньги брать?

— Хорошо, я решу этот вопрос. — Валера внимательно присмотрелся к Зеленому. — Ты тут потише, Зеленый, зелен еще эмоции показывать. А то смотри... Помни, ограбление на тебе! В составе группы. По предварительному сговору.

Зеленый нервно поиграл челюстью и продолжил работу с ногтями.

— Инструкции помнишь? Матерьял нужен. Люди, переговоры, товар. Давай звони! Стой, не надо, два пятнадцать уже. Поехали. По счетчику отведу. — Валера показал крупные острые зубы.

— Могу зеленью только расплатиться, — недовольно обронил Зеленый.

Валера вторично шуганул Брюховца, пригвоздив его взглядом к дивану, и они вышли во двор...

Достоинно выдерживая Светкин допрос о причине столь срочных внеплановых деловых свиданий на заслуженном отдыхе, Алла не отвлекалась от распаковывания вещей. Светка сообщила, что условилась встретиться с Борей на набережной. Мол, не знала планов подруги. Боря сказал, что там они точно не разминутся. Он должен был подойти к четверем. Деловой парень. Алла поделилась со Светкой индейской племенной классификацией Петра Семеновича.

В номере не задержались, пошли на городской пляж. Место за разговорами выбрали неудачно. Сказалось отсутствие практики. Окружение оказалось почти поголовно кефирным. Светка делила отдыхающих на два типа: водка — лодка — молод-

ка и кефир — пломбир — теплый сортир. Оценка окружающими купальников, конечно, состоялась, но мнению этой фокусной группы Светку не интересовало. Окунулись всего пару раз. По-скорому. Впереди был выход в свет, поэтому решили вернуться в гостиницу пораньше. Алла заторможенно соглашалась на все Светкины инициативы, находясь в процессе непрерывного обдумывания своих дальнейших действий. Звонок Карпу, а также принятие решений она все же отложила на вечер, решив проявить выдержку. Не хотелось позорений.

Несмотря на предстоящее randevu с Борей, Светке не терпелось проверить боевую раскраску. Она считала первый день определяющим. Поэтому буквально нависала, торопя сборы.

На набережную вышли во всеоружии современных достижений косметологии и модельного бизнеса. Плюс шаг от бедра.

Ста метров не прошли.

— Привет, Света!

Светка опешила.

— Привет. — Она томно скользнула взглядом по фигурам обоих молодых парней, припоминая фактуру. Парни выглядели спортивно.

Девушки остановились. Один из парней, с торчащим вперед чубом, выглядел понапористой.

— Девчонки, — начал он, — а вы не отдыхали в прошлом году в Стерлитамаке? — И, заметив улыбку на Аллином лице, добавил: — Это уже победа! Спасибо.

Не оставил он в стороне и Светкину неосведомленность по части географии. Та брякнула в ответ на его вопрос: «Нет». «А в Пензе?» — продолжал наступать парень.

Светка наконец выпятила губы и фыркнула, поправляя прическу.

— Вас как зовут? — спросил бойкий Аллу. — Его — Вова. — Он указал на молчаливого спутника.

Алла опять улыбнулась. Парень был забавным. После знакомства с Аллой он представился Юрием и предложил прогуляться совместно. Тем более что погода, как он сообщил, шептала.

— У нас тут такая таска пошла, всех девчонок Светами называть. А собак — Петровичами. Но это только повод, — рассыпался он перед Светкой. — Должны же мы были отэрегировать. — Он показал глубину сраженности дамами, отклонившись назад и разведя руки.

Его спутник подтвердил чувство сдержанной мимикой. Светка отзывалась в своем стиле.

Двинулись, фланируя в толпе. Набережная была местными подмостками и подиумом. В этот театр толпы празднующей публики выходили

ли себя показать и других посмотреть. Второй интерес преваляровал и не скрывался. Смех, солнце, пальмы, цветы... Кругом какие-то киоски, летние кафе, бары, рестораны, аттракционы. Музыка неслась со всех сторон. Сезон...

— Предлагаю сегодня культурно отдохнуть, — не уходил с арены Юрий. Он многозначительно кивнул Володе. — Давайте вечером к нам домой! Радио послушаем...

— Ну что ж, шутишь ты весело, беззаботно, — скривилась Светка.

Она достала из сумочки пачку сигарет и приготовилась закурить: оба парня поднесли ей по зажигалке. Никто обижен не был.

— Да что вы говорите! Какие шутки? — нарочито замахал на нее Юрий. — У Володи вон квартира свободная, честное слово! Можем и прессу взять почитать... У вас нет «Жиминь жибао»? — обратился он к лоточнице за столом, покрытым разнообразными журналами, книгами и сопутствующей дребеденью.

Девушки рассмеялись. Пока работница прилавка сообщала, Юрий соорудил серьезную мину и прибавил:

— А «Домино за рубежом»?

Пожилая торговка помотала головой.

— Да-а, чего только нет, да, Вова? Ничего нет, — продолжал в одиночку тянуть ляжку Юрий. — Но старожилы еще помнят!

Володя, хохоча, соглашался. Не спорил. Он работал явным вторым номером и смотрелся более серьезно.

— Может, у вас карты для «секи» есть? — вступил он в разговор со своей серьезностью.

— У нас для жуликов ничего нет, — оскорбилась лоточница. — Идите отсюда, гуляйте!

— Будем гулять, разрешили! — обрадовался Юрий. — Девушки, давно в городе?

Узнав, что они только сегодня прилетели, он предложил променад до парка.

— Там посидим на террасе. Вид — феерический. Кофе выпьем... Тем более что погода шепчет... Займи и выпей.

— У вас чего, денег нету? — конкретизировала Светка.

— Нет, в смысле — да, есть! Это я фигурально. Образно, так сказать. Мы приглашаем.

Светка удовлетворилась объяснением.

— Ба, знакомые все лица! — вскричал Юрий.

На них двигался Боря. Боря оказался истинным джентльменом. Он не забыл по гвоздичке для девушек.

— Да, вас надолго оставлять нельзя, — раздавая цветы, отметил он и занял место между де-

вушками, обозначая приоритет. — Вам эти охломоны не сильно докучали? — участливо спросил он их, предложив локоть Свете.

— Успел уже, — отметил Юрий, кивнув Володе. Тот согласился с оценкой.

— Ребята — сама галантность. Досуг скрасить могут, — подытожила Светка.

Боря оглядел компанию.

— На террасу! Наслаждаться видом синего моря, — сообщил Юрий и пристроился к Аппе, отсекая Володю.

— Без нажима! — улыбнулась Алла и взяла обоих парней под руки. — Пройдемте!

Ребята с готовностью повиновались. Она со смехом поджала ноги и повисла у них на руках, как на качелях. Пропустив Светку с Борей вперед, они двинулись в кильватере, чтобы не занимать весь тротуар.

На террасе у бара «Кактус» нашлось место у обрыва под зеленым зонтиком. «Под кактусом», как определил Юрий. Внизу, за кустарником, расстилались пляж и безраздельное море. Панорама была действительно красивой. Контраст с покинутой Москвой пьянил, кружил голову и завораживал.

— Сегодня пойдем потанцуем, — предложил Юрий. — А завтра — в казино!

— А оно есть, и есть на что? — осведомилась Светка.

— Ну так... Живем весело так, живенько! — не отставал Юрий. — Попробуйте кофе. Лучший кофе на юге России! Из-за воздуха...

— Сегодня в «Алмазе» хорошая дискотека. Паленый заряжает диски, — веско поделился сведениями Володя, облизывая кофейную пену с губ.

Официантка принесла откупоренную бутылку шампанского.

Степенный Боря рассчитался за заказ.

— Наше знакомство можно отметить только шампанским.

Прыткий Юрий поддержал, разлив пенящийся напиток по белым пластиковым стаканчикам.

— За дам! — Мужчины по-гусарски встали.

— За не дам! — пошутил Юрий.

— За не знаю, — отозвался эхом Володя.

— И биться сердце перестало... Работаете как по нотам. — Светка помахала сигаретой как дирижерской палочкой.

— Светочка, Аллочка... — Юрий отвесил легкие поклоны. — Мы просто хотим понравиться. Не каждый день такие прекрасные незнакомки проводят с нами вечер.

— Не скажешь ты тебе. — Светка плотоядно улыбнулась и закинула ногу на ногу. — И потом не проводят еще. День еще...

Под кофе с сигаретами и шампанским трепшел не менее активно. Ребята развлекали девушек веселыми историями курортного характера. Шутили над отдыхающими. Чтобы не задеть девушек, показали типаж. Юрий, глумясь, указал на самоубийственно потеющую пару в темных пиджаках: недалеко, на скамейке, под чахлой тенью немолодого платана, сидели измученные солнцепеком Коротких и Брюховец. Типичные отдыхающие. После симпозиума или конференции.

— Пара лохов хоть куда! — отрекомендовал Юрий.

Его, показалось, слышали. Светка скривилась и повернулась к Алле, взглядом выясняя ее мнение пошире. На всю ситуацию.

— Нет — это кугуты! — поставил клеймо Володя.

— Что ты, это кагаи, — подхватил, веселясь, Юрий.

— Это еще кто такие? — наморщила лоб Светка.

— О, это высококультурные люди! — зашелся Юрий. — Кагай по уровню, наверное, повыше стоит, чем кугут.

Боря потрепал Светкины волосы.

— Типичный образец сельской интеллигенции на отдыхе.

— Жаль, что они без своих кошелок. В магазин, наверное, отошли, — добил ничего не подозревающих о своем новом статусе оперов Юрий.

— Это, между прочим, тот дятел, что прыгнул тебе под ноги сегодня, — сообщил Володя.

— Ха, точно! — удивился открытию Юрий и согнулся в припадке смеха. — Тот, что поменьше, плюгавый, который встал, — сориентировал он компанию, разгибаясь. — Прикиньте, идем по набережной, минут двадцать назад. Идем себе спокойно — и вдруг вот этот прыгает мне под ноги. Мы аж отпрянули. Что такое?! А он, оказывается, на десятку прыгал, наступить хотел. У нас под ногами, оказывается, валялась, так он, видно, боялся, что мы подберем. Ну мы прямо выпали! Конченный угод, — закончил он под всеобщий смех. — Да, такие понаприезжают из колхозов... Особенно интересно на танцах наблюдать. Сейчас покажу.

Юрий не поленился встать. Под аплодисменты, расставив слегка согнутые в коленях ноги, он с восторженной физиономией изобразил несколько неуклюжих па, ступая на внешних боковых сторонах туфель, затем продемонстрировал выдергивание первым парнем на деревне ног из

болота. Соседние столики тоже приветствовали его пластику, оценив по достоинству. Оглянулись и Коротких с Брюховцом.

Боря положил руку на спинку стула Светки и снисходительно смотрел спектакль.

— А вы тут злые какие, — после долгого смеха выговорила Алла. — Сами-то где трудитесь?

— Мы наблюдательные, — оправдался Юрий. — Ра-бо-та у нас та-ка-я, — патетически пропел он. — Прилагаем усилия на местном телевидении. О режиссуре врать не буду, хотя и хочется, но про операторство, в режиме ассистентства, не смолчу. Перспективы — заманчивые. А это так, — он показал на гуляющую публику, — каждый вечер на манеже. Живые люди, они лучше телевизора. Ты бы вырядилась в такую жару в костюм?

— Я-то? Нет! Откуда он у меня? — Алла рассмееялась и повела голыми плечами.

Юрий артистично перехватил официантку и сделал заказ.

— Так, сегодня в школу не пойдем! — объявил он компании.

Им доставили еще одну бутылку шампанского.

Поморщившись от досады и жажды, Коротких сделал вид, что ужасно увлечен чтением американской бизнес-газеты Wall Street Journal. Этот розовый листок он подобрал к деловому костюму и теперь тщательно морщил лоб, стараясь соответствовать имиджу. Свободная скамейка в тени нашлась только невдалеке от шумной террасы «Кактуса». В инфракрасных лучах от него, наверное, поднимался столб испарений. После полуголых обитателей прибрежной зоны этот мазохизм производил прочувствованное впечатление.

К нему подсел вернувшийся Брюховец. Тоже приглашенный на званый ужин.

— Действительно, жара — как в мексиканской пустыне, — сказал он, посмотрев на название бара.

— Опять в сортире заседал? — процедил сквозь зубы Коротких.

— Пришлось заскочить, — вздохнул Брюховец, — но без ущерба для дела. Ты знаешь, кто здесь?! — Пауза. — Ты знаешь, с кем Зеленый встречался? Ни за что не угадаешь! — Пауза. — С Валерой!

Коротких не отрывался от газеты.

— Я думаю, Валеру ему подставили наши. С целью выведать информацию. Широкая операция, — пояснил Брюховец несведущему напарнику. — Валеру подтянули. Небось узнал, что на море надо ехать... Как ты думаешь, под какой легендой ему Валеру подставили?

— Помолчи, — прошипел Коротких.

На край их скамейки приютилась парочка и начала оживленно шептаться, поглядывая на сторонних соседей. Брюховец напустил на себя непринужденный вид.

— О, я смотрю, ты уже читаешь по-английски? — Он сдержанно усмехнулся.

— Да так, самоучкой, — смутился Коротких.

Брюховец сделал вид, что закашлялся.

— Ты же неправильно держишь. — Он перевернул газету вверх ногами.

— Пошел ты... Полудурок! — Коротких сложил газету вчетверо и принялся обмахиваться ею. — Где твой?

— Зашел в бар. — Брюховец мотнул головой в сторону «Кактуса», не отрываясь от разглядывания проходящих девушек. — Ты что, не видел, как он зашел?

— Я слежу за выходящими. Плешивый тоже там, — объяснил Коротких, почти не раскрывая рта. — Номер снял?

— Да. Нас там ждали. Кроме Валеры нашего, он ни с кем не встречался больше. Ты где наш ХБМ поставил?

Коротких задумался.

— Хочу быть машиной, — предположил он.

— Тепло. Мерседесом! А ты молодец, мозги скрипят еще... Я в смысле — на жаре такой.

— Козел! Разбил машину. Еле крышку на горловину наворачнули. И ближний свет не работает.

— Не виноват я, — машинально зачастил Брюховец, не прекращая оценку особой женского пола, в изобилии представленных на набережной. — И потом, дальний ведь работает.

Коротких посмотрел на него. Брюховец принялся строить глазки, слегка кивая при этом головой, всем проходящим мимо женщинам.

Один из мужчин, которому не понравился способ знакомства Брюховца с его спутницей, подошел к скамейке, кипя гневом. Его рельефно накачанные плечи были сплошь покрыты разноцветной вычурной татуировкой.

— Это со мной, — устало предупредил Коротких.

Что тут же с готовностью подтвердил Брюховец. Лицо подошедшего амбала выразило недоумение. Он оторопело постоял и отошел. Коротких тупеющим взглядом залюбовался морем.

— Правильно ты обозначил... — небрежно начал Брюховец.

Коротких оторвался от моря и угрюмо поглядел на него.

— Чертов пистолет, пиджак снять нельзя! — посетовал он, вздохнув. — Хоть бы дождь пошел. Меня сейчас сморит эта жара.

— Между прочим, это я за рулем с пяти утра, — гордо заявил Брюховец. — А свеж как огурчик!

— Меня эта компания уже достала, — отправил Коротких тяжелый взгляд на галдящую террасу «Кактуса». Там как раз показывались очередные танцы. — Пойди посмотри, они в баре или нет.

— А где ж им быть? Там они!

— Сходи. Попить принесешь. Заодно в сортир сходишь. Говорил я тебе — не ешь ты эту зелень!

Брюховец поерзал, но удержался. Он переглядывался с девушкой с соседней скамейки.

— Давай иди, если они там — подашь знак. — Коротких щелкнул пальцами. — Только так, чтобы не привлекать внимание.

Брюховец оживился. Появилось дело, требующее незаурядного ума. Он приподнялся и, наклонившись к Коротких, тихо поведал:

— Если они там, я выгляну с двумя сигаретами в зубах. — Брюховец выглядел довольным своей мыслью.

— Ну тебя к черту! Пошли вдвоем.

В баре было прохладно и тихо, лишь негромко жужжал вентилятор. Странно, что при этом основная масса народа тянулась наружу, всего несколько человек сидели за угловой стойкой. В противоположном, затемненном конце зала сидело несколько парочек. Зеленый и Плешивый развлекались в боулинге. Другие дорожки были свободны.

Коротких заказал кока-колу, показав бармену один палец, и напарники вскарабкались на высокие никелированные табуреты.

Рядом с Брюховцом оказалась красивая молодая девица и, спросив виски, недвусмысленно улыбнулась ему. Брюховец включился мгновенно.

— Слышь, толстяк, надо было спиртного заказать, — отметил он.

Бармен поставил перед Коротких высокий запотевший бокал. Брюховец, увидев это, открыл рот от возмущения, что его обошли.

— Ты же не хотел. Надо фонды экономить, — дежурно успокоил его Коротких и поперхнулся.

В бар вошел Утюг и напрямик двинулся к стойке. Бармен протянул Утюгу объемистый пакет. Утюг с неизменной непроницаемой невозмутимостью под темными очками взял письмо и повернулся к выходу. Покидая заведение, он оглянулся на Брюховца с Коротких. Те отшатнулись.

Не успела закрыться за ним дверь, как в бар вскочил Пинчер с оцарапанным лицом. Он встал, озираясь по сторонам, ничего не видя после яркого уличного света. Борода его снова была на месте. На бороде.

Коротких протянул руку и схватил его за чер-
ный, узкий, как селедка, галстук, держащийся на
резинке, и подтянул к себе. Появилась прекрасная
жертва, на которой можно было выместить злобу
и страх.

— Я тебе сейчас копилку в голове сделаю, — по-
обещал Коротких прозревающему Пинчеру, ко-
торый держался на максимально возможном рас-
стоянии, растягивая галстук.

— Красивый был покойник! — Брюховец исто-
чал лживое сочувствие.

Бармен отвернулся. Соседка Брюховца, на-
оборот, живо интересовалась происходящим.
Мимо прошли Плешивый и Зеленый. Оба с дипло-
матами.

Пинчер дурачки хлопал глазами:

— Имею спецзадание...

— Слыхали, — буркнул Коротких.

— Интерпол интересуется... У нас план.

Коротких молча упер ему в грудь ногу и, рас-
тягивая резинку галстука еще сильнее, отпустил
его. Пинчер кубарем влетел в игровой автомат
и тут же вскочил.

— Резиновый прямо, — отметила девица.

Коротких залпом допил кока-колу и поспешил
к выходу. Брюховец не отставал от него. Подойдя

к Пинчеру, он оттянул его галстук книзу, проши-
пел при этом, изображая работу сливного бачка,
и отпустил «селедку» Пинчера. Успел он и попрощаться со своей соседкой.

Представитель Интерпола, как оплеванный,
остался стоять посреди бара.

— С кем они выходили, Эдуард? — спросил Ко-
ротких на террасе.

— Не знаю. А что?

Неподалеку в тени лаковолистной магнолии
Утюг сидел в роскошном лимузине перламутро-
во-зеленого цвета. Он вертел в руках пакет, вру-
ченный ему барменом. На нем выделялась над-
пись «Совершенно секретно». Утюг распечатал
его и достал конверт поменьше. Внутри оказался
листок бумаги. Прочитал. Озадаченно порывлся в
глубине конверта. Больше ничего не нашлось.

Он достал зажигалку, вложил листок с конвер-
том в пакет, высунул руку с посланием в окно и
поджег его. Дав ему разгореться, он бросил фа-
кел в урну.

— Инструкции получил, — доложил он в зажига-
галку.

Мимо с задумчивым видом пробрел Карп в па-
наме с куцыми полями. Утюг посигналил ему, при-
влекая внимание, но Карп не обернулся.

Продолжение следует.